

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 316.77

ДЕФИЦИТ ДИАЛОГА В PR-КОММУНИКАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Зайцев

*Костромской
государственный
университет имени
Н. А. Некрасова*

*e-mail:
aleksandr-kostroma@mail.ru*

В статье рассказывается о роли диалоговой коммуникации во взаимодействии государства и гражданского общества. При этом автор приходит к неутешительному выводу о дефиците диалога в политической жизни современной России.

Ключевые слова: диалог, государство, гражданское общество, коммуникация, взаимодействие, связи с общественностью.

Диалог в сфере общественно-политических отношений и PR-коммуникации всегда занимал и продолжает занимать особое место в политической жизни мирового сообщества, являясь разумной альтернативой насилию, войне, терроризму, революциям, восстаниям, бунтам и другим проявлениям политического экстремизма, радикализма, нонтолерантности и нетерпимости. При этом под диалогом в сфере политических PR-коммуникаций понимается не разговор двух и более лиц по политической проблематике, а определенная конфигурация взаимодействия, переговорный процесс и партнерство, строящиеся на принципах дискурсивного равноправия между субъектами политической коммуникации, стремящихся к взаимопониманию и достижению взаимовыгодного результата, учитывающего широкий спектр существующих мнений и интересов.

Необходимыми условиями диалога в политических связях с общественностью является, во-первых, наличие плюрализма, во-вторых, обладание субъектами диалога толерантностью, и, в-третьих, их коммуникативная компетенция, умение слушать, понимать и идти на встречу друг другу ради сохранения мира, стабильности и преодоления разногласий.

«В настоящее время термины «диалог», «коммуникация», «толерантность» послужили основой переименования ряда процессов, которые прежде имели другие названия, например, «дискуссия», «обсуждение», «взаимодействие», «взаимоотношение противоположностей», «компромисс», «солидарность», «социальность». - Полагают В. Г. Федотова и А. Ф.Яковлева. - Диалог, коммуникация - это, несомненно, и дискуссия, и обсуждение, и взаимодействие людей и идей». [1, с. 67]. Диалог в PR-коммуникации все более становится нормой цивилизованного сотрудничества и демократического взаимодействия сторон, отличающихся друг от друга по тем или иным параметрам, но признающим право на существование иных, альтернативных по отношению с собственной точке зрения, взглядов, мнений, убеждений, ценностей, идеологий и даже форм общественного, политического и государственного устройства.

Аксиологически статус диалога настолько высок, что он по праву находится в одном смысловом ряду с такими фундаментальными политическими ценностями, как

демократия, свобода, равенство, право на свободу слова, выражения мнений и даже на саму жизнь. С точки зрения современных российских исследователей политического дискурса, демократия - это «не столько совокупность процедур и их применения, сколько диалогическое взаимодействие между различными политическими партиями, общественными движениями и даже отдельными людьми» [2, с 6]. А М. С. Каган даже призывает отказаться от «неопределенно-бессодержательного понятия постмодернизм» и переименовать современную эпоху в «эпоху многомерного диалога», всеохватывающего универсального диалога, являющегося альтернативой грозящего обществу и человеку самоубийства. Перефразируя широко известное изречение Ж.-П. Сартра о том, что человек - это существо, «приговоренное к свободе», М. С. Каган утверждает, что «ныне человечество "приговорено к диалогу"» [3, с. 404, 402].

PR-диалог государства и гражданского общества, являясь одной из разновидностей политического диалога, в тоже время нередко выступает как социальный (в широком смысле) или гражданский (общественный) диалог. В такой диалог вовлечены не только институциональные субъекты, акторы или агенты политики (государство, политические партии, политические лидеры, политтехнологи и т. д.), но и рядовые граждане, общественные объединения и некоммерческие организации «третьего сектора», напрямую не связанные со сферой политики, но играющие все более возрастающую роль в политической жизни общества. На смену конфронтации государства и гражданского общества, недоверия и настороженности по отношению к НКО постепенно приходит и утверждается осознание необходимости сотрудничества и взаимодействия, расширения публичной сферы, институционализации гражданского диалога и вовлечения широких слоев общества в социальный диалог и в публичную политику.

В практике политического управления и связей с общественностью данные процессы нередко сопровождались критикой либеральной модели демократии, где центральным моментом долгое время оставались электоральные процедуры и формирование представительной системы осуществления и функционирования власти, обусловившие отчуждение широких слоев общества от реального участия в политике, снижение активности избирателей, легитимности власти и принимаемых ей решений. Выход был найден в соединении ценностей электоральной демократии с механизмами и процедурами демократии участия (партиципаторной) и делиберативной (дискуссионной или совещательной) демократии, существенно расширивших и институционализировавших многочисленные диалоговые процедуры и практики. Механизмы и технологии связей с общественностью (PR) в сфере политического и государственного управления были дополнены GR-технологиями, где уже общественность (третий сектор) и бизнес (второй сектор) выступали инициаторами взаимодействия, коммуникации и диалога с государством, правительством и властью (первым сектором).

Прежде казавшиеся утопическими многие нормативные идеи делиберативной демократии и делиберативного диалогического дискурса, механизмов и технологий симметричных и равноправных PR- и GR-коммуникаций в режиме диалога, в конце XX в. - начале XXI в. получили дальнейшее развитие в коммуникативных практиках «открытого правительства», «электронного государства», и «электронной демократии». Реляционные сетевые сообщества с диалоговыми горизонтальными связями и отношениями формируют новое сетевое гражданское общество, неподконтрольное и неподвластное, но, в тоже время, не противостоящее государству, играющее все более заметную и существенную роль в реальном политическом процессе внутри государства и на международном уровне. Новые интерактивные медиа, функционирующие в режиме он-лайн в сфере интернет-пространства, стали альтернативой унифицированной единой информационной политике авторитарных режимов, прежде строивших коммуникацию с обществом на доминировании государства, информационной монополии и монологе власти, пропаганде, тотальном контроле над информационной повесткой дня, а также на манипулятивных технологиях информирования граждан и формирования общественного мнения.

В результате инновационных процессов в области связей с общественностью и политической коммуникации гражданское общество и некоммерческие организации третьего сектора все более и более признаются государствами в качестве равноправных партнеров по диалогу. Формирование органов и институтов власти, их легитимность и легитимация принимаемых ими решений порождает новое, дискурсивное измерение политики, связанное с развитием диалоговых процедур и форм интеракции государственных институтов и институтов гражданского общества, что находит закрепление в соответствующих законах и других нормативно-правовых актах.

В современной России ситуация выглядит несколько иначе. С одной стороны, государственная власть признает необходимость развития и укрепления гражданского общества и расширения общественного диалога. С другой стороны, эти процессы осуществляются под жестким контролем со стороны самой власти и, вследствие этого, формализуются, бюрократизируются, лишаются живого творческого начала. Гражданское общество в России фактически все более оказывается встроенным в единую вертикаль государственной власти. Соответственно этому, горизонтальные, то есть партнерские, диалоговые связи, разрушаются или симулируются. На смену так и не укоренившегося в политической культуре современной России PR-диалога государства и гражданского общества возвращается характерный для российской социокультурной и политической традиции монолог власти и общества, слегка диалогизированный с помощью современных информационно-коммуникативных технологий.

Рецепция традиционной модели авторитарно-тоталитарной модели интеракции, где государство доминирует, а слабое гражданское общество действует в анклав жестко очерченных властью полномочий, убивает гражданскую инициативу, порождает общественную апатию, разочарование, сводит на нет усилия по модернизации экономической, социальной и политической сфер жизни российского общества. При этом, нередко, налаживания диалога с несистемной и внепарламентской оппозицией в политическом дискурсе власти доминирует желание скомпрометировать оппозиционных стейкхолдеров в глазах общества, и даже подвести их действия под ту или иную статью Уголовного Кодекса РФ, продемонстрировав тем самым якобы несостоятельность ее (оппозиции) обвинений и критики российского государства и его лидеров. Вместо институционализации реальных дискурсивных механизмов и дискуссионных площадок для честного и откутого публичного диалога государства и гражданского общества, власть создает его многочисленные симулякры в виде псевдодиалоговых, ангажированных и созданных самым же государством фиктивных институтов гражданского и организаций общества. Получившие наименование ГОНГО (GONGO, как аббревиатура от понятия «государством организованные негосударственные организации»), эти псевдообщественные организации в действительности выступают в роли клиентелы государства, отстаивая не интересы гражданского общества, а обслуживая власть и отрабатывая полученные от нее преференции («Идущие вместе», «Наши», Фонд содействия развития гражданского общества, Объединенный народный фронт и др.).

Не подкрепленные креативным потенциалом гражданского общества, призванного творчески взаимодействовать с государством в критическом диалоге, данные интенции обрекают Россию на деградацию и все большее отставание от наиболее развитых демократических стран, на усиление центробежных и сепаратистских тенденций, возникновение и эскалацию внутривнутриполитических конфликтов, рост недовольства, агрессивности и политического экстремизма.

На обозначенную в наименовании нашей статьи проблему совершенно справедливо обращает внимание М. Р. Радовель, который подчеркивает, что характерная черта современной России - это «глубокий дефицит диалогичности». Государство, как ведущий социальный актор, «сегодня явно не справляется с налаживанием диалоговой культуры и функцией интеграции общества». А это значит, что в сложившихся

«условиях требуется максимальная мобилизация субъектности той части общества, которая находится за пределами власти» [4, с. 1636].

Отсутствие полноценного диалога власти и общества, эффективных механизмов обратной власти от гражданского общества к государству и назад, лишают власть респонзивности, делают ее инертной, костной, глухой не способной к своевременному реагированию на трансформацию общественного мнения и политических настроений в обществе. Финалом данного тренда может стать очередной социокультурный и политический раскол общества и новая геополитическая катастрофа. Чтобы не допустить того или иного варианта подобного негативного сценария развития политической ситуации в современной России, требуется серьезная реконфигурация взаимодействия государства и гражданского общества на основе институционализации двухстороннего и симметричного диалога между ними.

Тем более, что «о необходимости гражданского диалога как средства единения общества говорят и представители высшего политического руководства, и конструктивная оппозиция». С этой точкой зрения солидарны и ведущие российские политологи, которые «практически единодушны во мнении, что развертывание диалога власти с обществом есть единственная альтернатива негативному сценарию развития страны» [5, с. 5]. Диалог государства и гражданского общества, недооцененный и незаслуженно отвергнутый российской политической наукой, обладает большим эвристическим потенциалом.

С. П. Поцелуев, практически первым из российских политологов детально исследовавший политический диалог в его соотношении с коммуникативными теориями демократии, пришел к неутешительному выводу о практически полном отсутствии в российской политической науке серьезных исследований как политического, так и гражданского или общественного диалога: «В России парадоксальным образом к проблеме концептуализации политического диалога ближе всего подходят не столько политологи, сколько их коллеги из смежных отраслей знания: философы, лингвисты, социологи, медиаведы» [5, с. 6]. Сюда же можно добавить психологов, специалистов в области коммуникативистики и связей с общественностью, культурологов, антропологов, историков и специалистов из других областей обществознания. Политическая наука парадоксальным образом проходит мимо специального изучения этого социокоммуникативного конструкта.

Несмотря на множество научных изысканий в сфере взаимодействия государства и гражданского общества, российская политическая наука оставила без должного внимания проблему их диалогического взаимодействия. Даже несмотря на то, что практически в каждой научной статье (монографии, диссертации и проч.), упоминается необходимость выстраивания диалога (равноправного, конструктивного, полноценного, подлинного, двухстороннего, симметричного, взаимовыгодного, обоюдного и т. д.), сам концепт «диалог государства и гражданского общества», превратившийся в расхожий бессодержательный штамп с массой сопутствующих ему красочных определений, до сих пор, вопреки здравому смыслу и логике, остается неизученным и неисследованным. Эта теоретическая лакуна, вызванная спецификой политического процесса в современной России, без сомнения, оказывает и обратное воздействие на политическую жизнь общества: отсутствие теоретических разработок в политической коммуникативистике и теории связей с общественностью делает интеракцию государства и гражданского общества еще более монологичной, односторонней, антидемократичной.

В чем причина такой парадоксальной ситуации? Почему ученые-политологи и специалисты в сфере PR-технологий, признавая теоретическую и практическую актуальность диалогической коммуникации государства и гражданского общества, оставляют этот вопрос без глубокой проработки в стороне от магистральной линии развития политической науки? На взгляд автора этих строк, причин здесь может быть несколько.

Во-первых, это самоочевидность и даже превращение утверждения о необходимости дискурсивного взаимодействия государства и гражданского общества в коммуникативном режиме диалога в шаблон, трафарет, штамп. «Распространенность, обычность диалога столь на первый взгляд интуитивно достоверна и очевидна, что это порой ведет к взгляду на диалог, как на нечто недостойное особого исследования», - пишет по этому поводу философ-логик К. Д. Скрипник [6, с. 4]. Раз все солидарны в мнении о необходимости диалога, то в чем, спрашивается проблема? Нужно ли доказывать или как-то обосновывать то, что всем на первый взгляд понятно и так?

Во-вторых, диалог изначально являлся формой речевого взаимодействия между людьми. Следовательно, диалог в целом - это предмет исследования лингвистики, которая занимается исследованием языковых явлений, в том числе общественно-политической лексики. Диалог в политике - это разновидность политического дискурса, следовательно его исследование и изучение должно быть отнесено к социолингвистике или ее такой новой разновидности как политическая лингвистика.

В-третьих, диалог является не только объектом изучения лингвистики, но и привлекает к себе внимание литературоведов, философов, педагогов, психологов, религиоведов, культурологов, социологов, специалистов в сфере коммуникативистики, связей с общественностью и других областей социогуманитарного знания. Диалог в политике - это частный случай применения диалога в коммуникативистике, культуре, педагогике, философии, науке и т. д. Поэтому специального исследования диалога государства и гражданского общества не требуется.

В-четвертых, внимание современных исследователей как бы «по инерции» все еще направлено на агитационно-пропагандистский и манипулятивный разновидности политического дискурса, характерных для идеологического противоборства эпохи «холодной войны» и противостояния двух супердержав в лице США и СССР. Данные коммуникативные технологии, активно применявшиеся в середине XX века, вплоть до настоящего времени окончательно не исчерпали свой потенциал и продолжают использоваться в современных политических коммуникациях, тем более, что реальной альтернативы им российская политическая наука до сих пор так и не выработала. Прежние формы и жанры политической коммуникации востребованы и самой властью, все еще предпочитающей не диалог, а монолог, не взаимодействие, а воздействие, не аргументацию, а манипуляцию, не делиберацию, а приказ, команду или распоряжение.

В-пятых, политика все еще в ряде случаев остается наиболее конкурентной сферой деятельности (в духе Н. Макиавелли), где преобладает не стремление к кооперации, согласию, компромиссу, консенсусу и к диалогу, а к победе любой ценой. При этом интенция к обладанию властью рассматривается не столько как конкуренция, состязание, соперничество, сколько как непримиримая борьба, вражда или даже как война. В такой парадигме понимания политики и политической власти диалог вытесняется за пределы политического процесса и рассматривается как проявление политического романтизма, не имеющего никакого отношения к «реальной политике» и подлинным политическим интересам.

В действительности политика предполагает как конкуренцию, так и согласие, которые могут проявляться в формате различных типов общественного диалога, которые, как это уже было сказано в начале нашей статьи, являются разумной альтернативой насилию, кровопролитию и гражданским междоусобицам. Реальный, а не симулятивный PR-диалог способен трансформировать любой, даже самый острый социально-политический конфликт, из которого все стороны могут получить какую-то выгоду и удовлетворение. К примеру, власть - стабилизацию и успокоение общества, оппозиция - какие-то дополнительные гарантии для расширения своей легальной деятельности, в виде расширения доступа к каналам распространения массовой информации, участия в делиберативных процедурах или, даже, пусть и формально, в отпущении политической власти. Так на смену диалогу конфликтного типа (митингам,

акциям протеста, полемике, острым дебатам и др.) придет диалог кооперативного типа (переговоры, консультации, слушания, экспертизы, гражданский контроль и так далее).

Процесс общественного диалога предполагает наличие инструментов и механизмов для того, чтобы правительственные учреждения и органы власти могли быть более полно информированы о мнениях рядовых граждан. Общественный диалог - это одна из разновидностей диалога, направленная на предотвращение общественного раскола и углубление взаимопонимания, улучшение взаимодействия и построения конструктивного сотрудничества между различными стратами общества. Такой диалог представляет собой непрерывный, постоянно развивающийся и совершенствующийся коммуникативный процесс, в который вовлечены как представители всех уровней власти, так и рядовые граждане, как работодатели, так и наемные работники. Многосторонний и всеобъемлющий характер общественного диалога заключается в объективной необходимости формирования в обществе и в государстве атмосферы доверия, открытости, готовности к включению в институционализированную систему обмена информацией. В отличие от России, за рубежом существует достаточно развитая практика изучения диалога в целом, включая общественный (публичный) диалог по актуальным социально-политическим проблемам.

По мнению американского исследователя В. Айзекса, целью диалога, является не столько решение проблем, сколько «растворение их» [7, р. 19]. Диалог определяется В.Айзексом в русле герменевтики - как процесс коммуникации, целенаправленно обращенный на поиск, изучение и формирование понимания. Диалог создает пространство и способ для изучения и исследования сущности вопроса на основе анализа коллективных и индивидуальных идей, убеждений и чувств. В диалоге не идет речи об изменении убеждения людей или их поведения, а о информировании и обучении. Диалог предоставляет возможности для его участников слушать и быть услышанными; говорить и с другими и при этом разговаривать уважительно; развивать или углублять взаимопонимание; узнавать о других мнениях, говорить о собственной точке зрения; строить отношения в позитивном плане. Диалог создает пространство и способ для изучения и исследования сущности вопроса на основе анализа коллективных и индивидуальных идей, убеждений и чувств. В диалоге не идет речи об изменении убеждения людей или их поведения, а об информировании и обучении. Диалог предоставляет возможности для его участников слушать и быть услышанными; говорить и с другими и при этом разговаривать уважительно; развивать или углублять взаимопонимание; узнавать о других мнениях, говорить о собственной точке зрения; строить отношения в позитивном плане.

Для Л. К. Хос главной составляющей диалога является сокращение степени конфликтности, поскольку диалог - это «практика посредничества в конкурирующих и противоречивых дискурсах» [8, р. 229]. Л. Эллинон и Ж. Жерар описывают диалог как основополагающий процесс коммуникации, который способствует созданию условий высокого доверия и открытости [9, р. 19 - 27]. Процессу диалога не препятствует наличие разногласий. Диалог, с точки зрения этих авторов, используется для понимания характера существующей проблемы [9, р. 22].

По мнению С. Лондона, цель диалога состоит не в том, чтобы решить или устранить проблему, а в том, «чтобы изучить наиболее перспективные направления для действий». Диалог акцентирует внимание на общих интересах, а не на разногласиях [10]. С. Диц и Дж. Симпсон полагают, что диалог, начиная со второй половины XX века, стал основной чертой общества и надеждой человечества на то, что оно когда-нибудь окажется в состоянии противостоять глобальным вызовам современности. Ими на основе идей Ю. Хабермаса и Г.-Х. Гадамера разработана политически отзывчивая коммуникативная теория (PRCT) конструкционистского диалога, которая признает особую важность политической ситуативности и понимания «другого» [11, р. 5]. Для С. Диц и Дж. Симпсон диалог органически связан с общением по социально зна-

чимым общественным проблемам между заинтересованными сторонами. Для них такой диалог синонимичен общественной дискуссии.

Весьма развита за рубежом, особенно в Северной Америке (Канаде и США) и в Европе, диалогическая теория связей с общественностью. По неформально сложившейся традиции историки и теоретики российской пиарологии возникновения диалогической модели связей с общественностью связывают с именем американского исследователя в сфере PR-технологий: Дж. Грюнига [12]. Но в своем стремлении разработать и обосновать диалогический подход в сфере этической коммуникации и связей с общественностью, Дж.Грюниг не одинок. Наряду с ним, а также после него, то есть в настоящее время, над этой же проблемой работали и продолжают работать и другие зарубежные мыслители.

В конце 1990-х - начале 2000-х гг. целый ряд мыслителей и ученых-обществоведов фиксируют так называемый «диалогический поворот» в связях с общественностью (Dialogical Turn of Public Relation). Особенно очень много для исследования диалогической модели связей с общественностью сделали Р. Пирсон [13], Р. Липер, К. Боцан, М. Кент и М. Тейлор [14], Р. Буркарт [15]. К великому сожалению большинство из этих имен, разве что за исключением Дж. Грюнига, в России остаются практически неизвестными, а сам PR-диалог не востребованным в сфере социальных и, особенно, политических коммуникаций. А диалогические методы субъект-субъектного взаимодействия в российских PR-коммуникациях используются все еще крайне редко, неэффективно и осторожно, с большой долей подозрительности и недоверия к двухсторонним технологиям связей с общественностью. Очень многие отечественные теоретики и практики связей с общественностью скептически относятся к рецепции диалогической модели коммуникации в сфере взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества в современной России. В то же время социальная практика и рост гражданской активности населения свидетельствуют, что традиционные социокультурные модели монологической коммуникации государства и гражданского общества требуют модернизации, развития механизмов обратной связи и институционализации новых механизмов коммуникации власти и общества и технологий связи с общественностью в формате симметричного диалога.

Избирательный цикл 2011 - 2012 гг., уже вошедший в политическую историю нашей страны, вывел на первый план в публичном политическом дискурсе современной России концепт диалога, диалога государства и гражданского общества, власти и оппозиции. О необходимости диалога заговорили и власть, и общество, его потребовала как системная, так и несистемная оппозиция, о нем вспомнили парламент, церковь, бизнес, правозащитники, эксперты и политологи, диалога жаждал и средний класс, и сами представители высшего эшелона публичной политической власти. Однако реальный процесс диалогизации и перехода от слов к делу в сфере политической коммуникации государства и гражданского общества остается на крайне низком уровне: власть не пошла на диалог с креативным меньшинством российского социума. Отсюда неутешительный диагноз: хронический дефицит политического PR-диалога в интеракции государства и гражданского общества по-прежнему сохраняется в коммуникативных практиках современной России.

Сделанный нами вывод подтверждается социологическими исследованиями. Так в мае 2012 г. автором этих строк совместно с Л. И. Никовской и В. Н. Якимцом было проведено исследование публичной политики в Костромской области [16]. В опросе участвовали представители трех секторов общества: 1) Государственные и муниципальные служащие, депутаты, сотрудники законодательной и исполнительной власти области. 2) Представители малого и среднего бизнеса: владельцы и наемные работники. 3) Представители «третьего сектора», включая членов некоммерческих и общественных организаций.

Опросная анкета представляла собой набор из 22 вопросов, раскрывающих степень развитости и состоятельности региональных субъектов, институтов,

механизмов и акторов, которые респонденты были должны оценить по ю-бальной шкале. Среди сформулированных вопросов для изучения действенности механизма диалоговой интеракции был специально сформулирован и задан такой: «Население реально участвует в обсуждении значимых вопросов на основе открытого диалога с властью в регионе». Выяснилось, что в рейтинге субъектов и акторов региональной публичной политики, диалог населения с властью занял самое последнее замыкающее место. При этом представители всех трех секторов оказались едины в этом диагнозе [16, с. 149]-

В мае 2013 г. был проведен повторный социологический опрос по этой же методике. При этом при положительной динамике состояния публичной политики в регионе, что во многом в процессе фокус-группы было объяснено произошедшей сменой губернатора - «варяга» на коренного костромича, диалог населения с властью вновь оказался в аутсайдерах. Иначе говоря, 5 субъектов и акторов публичной политики в Костромской области оказались несостоятельны, и диалог населения с властью получил наиболее низкую оценку со стороны респондентов

Несостоятельными и слабосостоятельными как в 2012 году, так и в 2013 году оказалось также большинство региональных институтов и механизмов публичной политики Костромской области, в том числе публичный контроль за деятельностью органов власти, поддержки гражданских и общественных инициатив, формирования и отстаивания общественных интересов (рис. 1, где несостоятельные субъекты помечены черными точками). Но если в 2012 году в соответствии с результатами проведенного исследования 10 региональных институтов публичной политики получили статус несостоятельных, то в 2013 году их количество сократилось уже до 6.

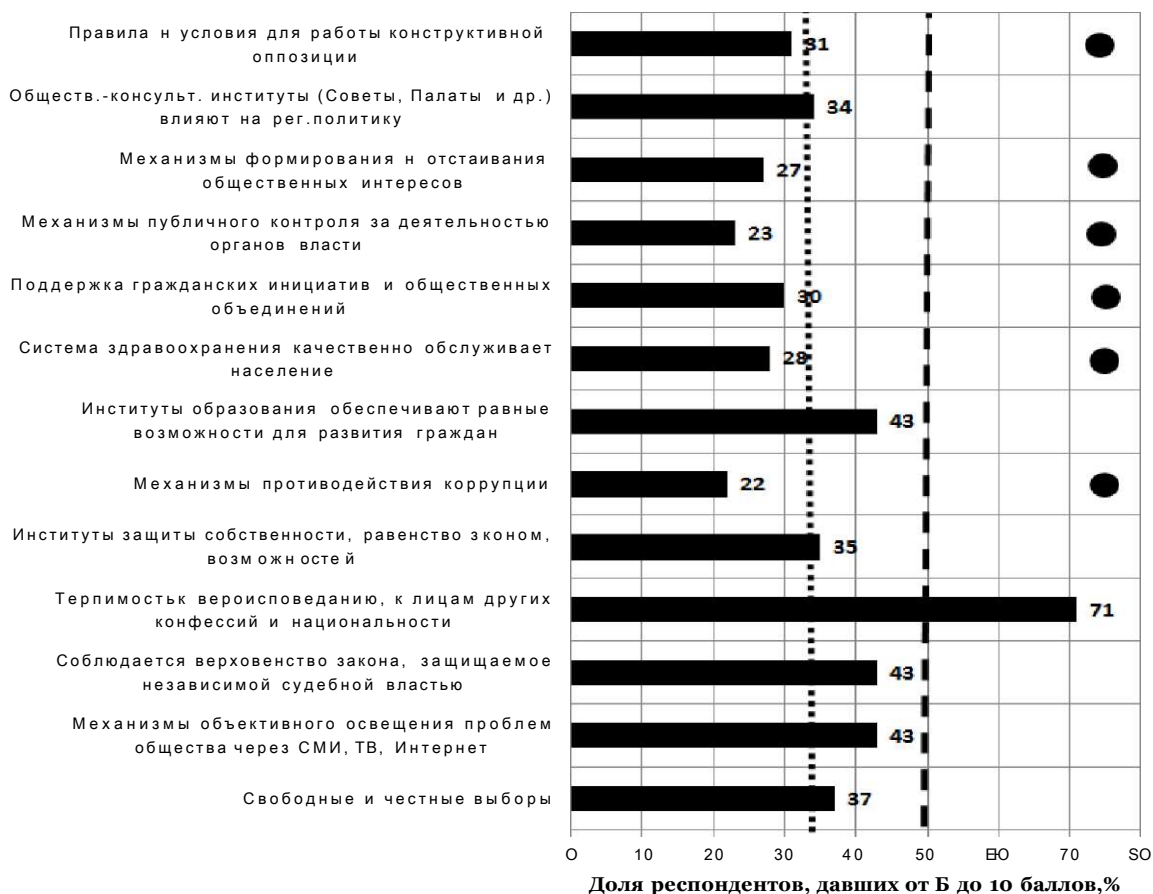

Рис. 1. Состоятельность институтов публичной политики Костромской области (2013 г.)

Почти аналогичная, хотя чуть более оптимистичная ситуация с развитием общественного диалога, складывается и в соседней Ярославской области. По мнению Е. В. Исаевой, исследовавшей опыт создания диалоговых площадок в этом регионе, данный институт, в том числе и Общественная палата Ярославской области, «демонстрируют свою неэффективность и неспособность выполнения возложенных на них функций» [17, с. 89]. Здесь в 2013 г. в соответствии с социологическим исследованием, проведенным А. В. Соколовым совместно с В. Н. Якимцом и Л. И. Никовской, 4 института из 13 получили статус несостоятельных и еще 7 оказались относительно состоятельными региональными институтами публичной политики (см.: рис. 2).

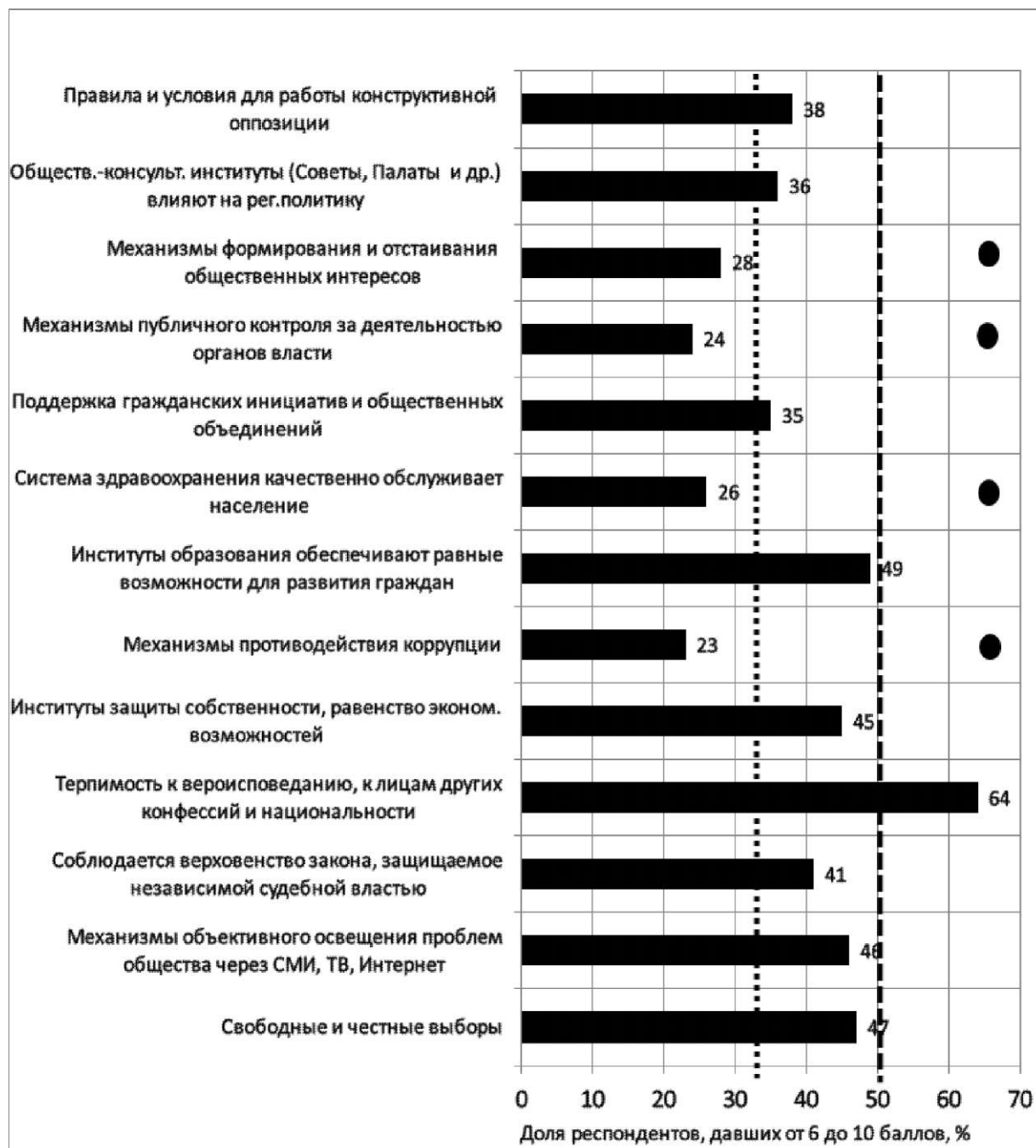

Рис. 2. Состоятельность институтов публичной политики Ярославской области (2013 г.)

На рис. 3 показаны оценки состоятельности институтов ПП для Курской области. Там в 2012 году было опрошено 209 человек (74 госслужащих, включая представителей исполнительной и представительной власти, а также сотрудников государственных и муниципальных учреждений, 55 сотрудников НКО и 80 предпринимателей и наемных работников из сферы малого и среднего бизнеса).

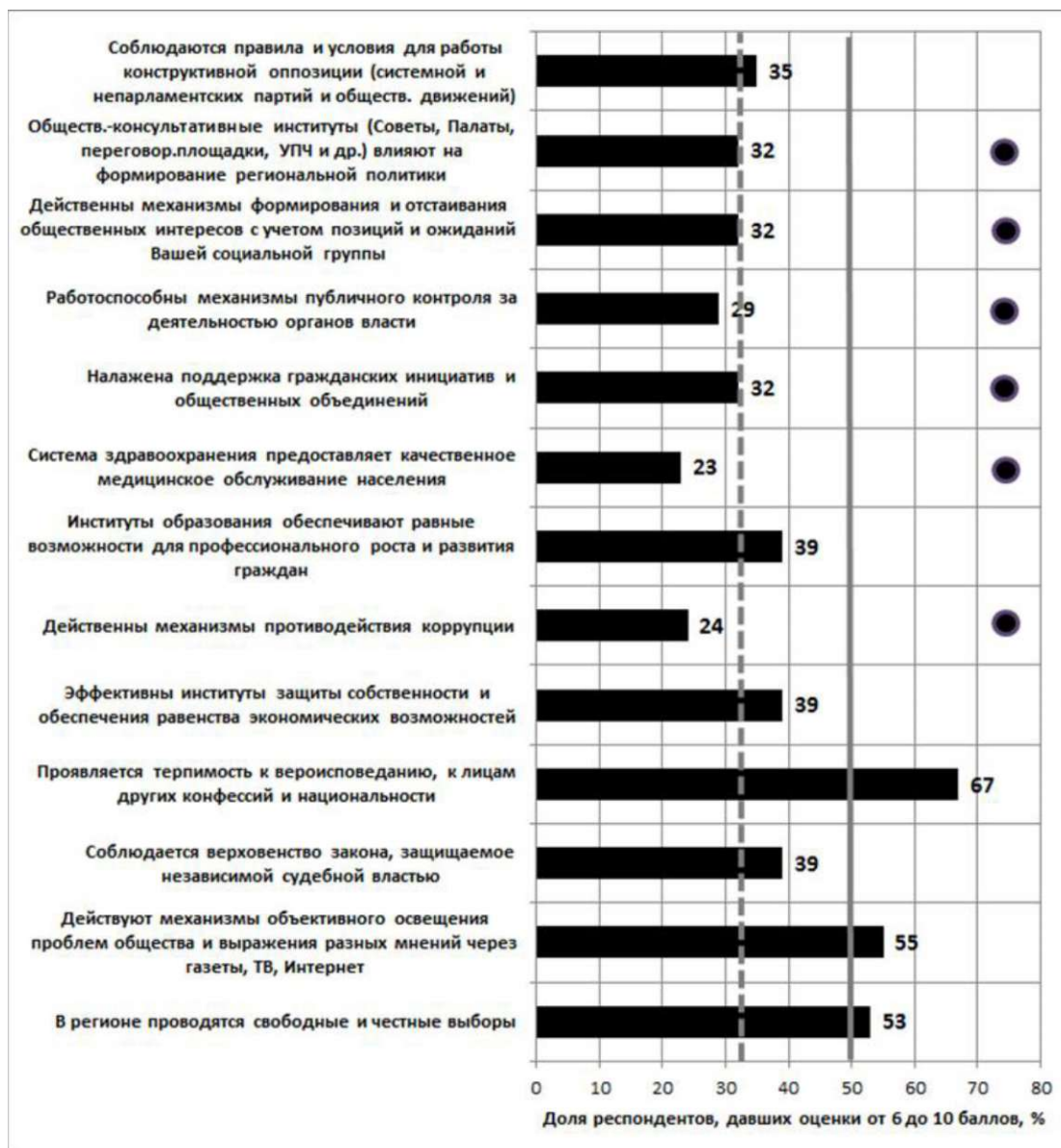

Рис.3. Оценка состоятельности институтов и механизмов ПП в Курской области. 2012 г.

Из рис. 3 видно, что в Курской области 6 из 13 проанализированных институтов ПП (помечены точками), получившие от 71 до 77 % неудовлетворительных оценок (от 1 до 5 баллов), в том числе, региональная система здравоохранения, механизмы противодействия коррупции и механизмы публичного контроля за деятельностью органов власти и др. Четыре института и механизма ПП попали в категорию слабосостоятельных (от 33 до 50% оценок в диапазоне 6-10 баллов) - это институт судебной власти, институт защиты собственности, институт образования и правила и условия деятельности для конструктивной оппозиции.

Три института ПП в Курской области попали в категорию состоятельных, это - терпимость к вероисповеданию, к лицам других конфессий и национальности, механизмы объективного освещения проблем общества в СМИ и институт выборов.

По итогам исследований во всех трех регионах установлено: при сохраняющейся безапелляционности органов федеральной власти при введении «реформаторских решений» без обсуждения с другими акторами и без пилотной отработки в регионах, неминуемо возникают негативные последствия их реализации (например, социальные последствия монетизации льгот; получение полномочий без соответствующих материальных активов для местного самоуправления; повышение ставки страховых взносов для малого и среднего бизнеса и пр.), отражающиеся в ухудшении оценок состояния ПП со стороны гражданского общества.

Л. И. Никовская и В. Н. Якимец по итогам комплексного исследования публичной политики в целом ряде регионов Российской Федерации выявили в большинстве из них *«неэффективность деятельности институтов и технологий диалога между властью и обществом... низкий уровень доверия и взаимопонимания всех основных акторов публичной политики»* [18, с. 93]. Из сказанного можно сделать вывод, что современная публичная сфера общества и публичная политика остро нуждаются в диалогизации практики связей с общественностью, развитии диалога государства и гражданского общества, а также в симметричном и равноправном трехстороннем партнерском диалоге власти, бизнеса и некоммерческого сектора российского социума.

Список литературы

1. Федотова В. Г., Яковлева А. Ф. Наука и модернизация // *Философия и культура*. 2012. - № 9 (57) - С. 61 - 72.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации // *Новое в жизни, науке, технике*. Сер. «Наука убеждать - риторика». - № 10. М., 1991 - 64 с.
3. Каган М. С. *Философия культуры*. — СПб., 1996 - 415 с.
4. Радовель М. Р. Диалоговая культура постсоветского российского социума в зеркале современной коммуникативистики // 6 Всероссийский социологический конгресс. Секция 26. Социология коммуникации. [Электронный ресурс]. URL: Радовель М. Р. Диалоговая культура постсоветского российского социума в зеркале современной коммуникативистики // 6 Всероссийский социологический конгресс. Секция 26. Социология коммуникации. [Электронный ресурс]. URL: http://all-russia-sc.ru/netcat_files/File/Part26.pdf. С. 1636- 1637.
5. Поцелуев С. П. Диалог и парадигма как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества. Автореферат... доктора политических наук. - Ростов-на-Дону, 2010 - 51 с.
6. Скрипник К. Д. *Философия. Логика. Диалог*. - Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 1996 - 146 с.
7. Isaacs W. *Dialogue and the Art of Thinking Together: A Pioneering Approach to Communicating in Business and in Life*. - Bantam Doubleday Dell Publishing Group. 1999. - 428 p.
8. Hawes L. C. *The dialogics of conversation: Power, control, and vulnerability* // *Communication Theory*, 1999. - № 9, - p. 229 - 264.
9. Ellinor, L., Gerard, G. *Dialogue: Rediscover the Transforming Power of Conversation*. - London: Wiley, 1988.
10. London S. *The Power of Dialogue*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scottlondon.com/articles/ondialogue.html>.
11. Deetz S., Simpson G. *Critical Organizational Dialogue: Open Formation and the Demand of «Otherness»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colorado.edu/Communication/comm4600880/DeetzSimpson2003.pdf>.
12. Зайцев А. В. Диалогическая модель связей с общественностью Дж. Грюнига и современность // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2013, т. 18, - № 3.
13. Зайцев А. В. Политический PR и диалогическая модель связей с общественностью Р. Пирсона // *Гуманитарные научные исследования*. Научно-практический журнал. ISSN 2225-3157 - № 7 (23) Июль 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/07/3582>.
14. Зайцев А. В. Диалогическая модель связи с общественностью: М. Кент и М. Тейлор // *Современные научные исследования и инновации* - № 7 (27) Июль 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25725>.

15. Зайцев А. В. Р. Буркарт: PR-диалог и консенсус-ориентированные связи с ответственностью // Общество: политика, экономика, право. - 2013, № 4.

16. Зайцев А. В., Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в Костромской области: субъекты и институты (по результатам социологического исследования) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2012, том 18. - №4, - С. 146 - 153.

17. Исаева Е. В. Диалоговые площадки власти и общества в Ярославской области: оценка эффективности // III Всероссийский научно-практический симпозиум с международным участием «Стратегия поиска баланса между стабильностью и развитием: соотношение властного и общественного выбора». Сборник тезисов: М. 2013. - С.88 - 90.

18. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Политические исследования. 2011. - № 1. - С. 80 - 96.

LACK OF DIALOGUE IN THE PR-COMMUNICATION BETWEEN THE STATE AND THE CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA

A. V. Zaitsev

*Kostroma State
University named
after N. A. Nekrasov*

e-mail:

aleksandr-kostroma@mail.ru

This article discusses the role of interactive communication in the interaction between the state and civil society. The author comes to the sad conclusion about the lack of dialogue in the political life of modern Russia.

Keywords: the dialogue, the state, civil society, communication, interaction, communication with the public.